

Среди пестрой толпы "народных" типов, выведенных в комедиях Островского, недостает одного: талантливейший из русских драматургов, давший первую по времени широкую картину народной жизни, обрисовавший быт самых различных слоев русского общества, последовательно избиравший своих героев среди купцов, мещан, крестьян, приказчиков, чиновников, интеллигентных пролетариев, не остановил своего внимания на типе фабричного мастерового. А между тем тип "фабричного" еще тогда, когда Островский писал свои ранние произведения, заставлял говорить о себе в интеллигентных кружках, начинал завоевывать себе права гражданства в области изящной литературы. Как раз под одной кровлей с Островским некоторое время жил тогда художник слова, заинтересовавший столичную интеллигенцию рассказами из фабричного быта.

Иван Федорович Горбунов - имя этого "рассказчика" - сам был сыном фабричной среды, вызрел из ее недр. Он родился в семье крестьянина, работавшего на одной из подмосковных фабрик. Но познакомиться с фабричной работой на собственном опыте Горбунову не пришлось: он имел возможность получить довольно порядочное образование, прошел пять классов гимназического курса, затем посещал (тайным образом) лекции в Московском университете; пробелы и недочеты школьного образования он пополнил разносторонним чтением... И расставшись с фабричной средой, он вступил в ряды интеллигентного пролетариата.

Вступив в ряды интеллигентного пролетариата, он принес с собой как дар, полученный в наследство от родной среды, силу критического ума, свежесть непосредственного чувства и ясность художественного воображения. Но эти качества не нашли себе должного применения: его дарование, обещанное, судя по его первым опытам, развиться впоследствии в крупный сатирический талант, не могло ярко проявить своих особенностей.

Горбунов на первых шагах своего знакомства со столичной интеллигенцией близко сошелся с кружком лиц, проникнутых духом исключительного национализма, ставивших своим идеалом облагороженные патриархальные отношения, - с "молодой редакцией Москвитянина". "Молодая редакция Москвитянина" первая приветствовала его как литератора, первая признала за ним выдающееся художественное дарование. Горбунов поддался ее влиянию. Под ее влиянием он "оформил" свое мирозерцание: она сообщила ему преувеличенное понятие о "самобытности и народности", она заставила его односторонне взглянуть на совершавшийся перед его глазами процесс "европеизации", низко оценить блага новой цивилизации, она дала одностороннее направление его таланту, она подрезала крылья его критическому задору.

Сатирик умер в Горбунове. Горбунов не поднялся выше "милого и добродушного" юмора [1]. Его "комизм" остался по преимуществу внешним комизмом.

Все поклонники его таланта должны признать, что появившиеся в печати его рассказы и сцены далеко не передают всего того содержания, которое вкладывал в них сам автор. "Талант его, - заявляет один из этих поклонников, восстановивший по своим воспоминаниям текст многих услышанных им рассказов Горбунова, - проявлялся сильнее всего в живой, изустной речи, а потому невозможно вызвать всю сопутствующую ей неуловимую игру лица и голоса, которые составляли истинную душу и несравненную прелесть его рассказов. В этом отношении повторить их уже нельзя и не слышавшие Горбунова навсегда лишены возможности ясно представить себе всю силу его ... таланта".

В интонации и мимике заключалась сила его рассказов, интонация и мимика придавали им особенную живость, колоритность и изобразительность. Без мимических пояснений сжатый слог рассказов Горбунова теряет значительную долю своей силы, не производит надлежащего впечатления та или иная фраза, то или иное выражение, которые в изустной передаче получали особенный смысл, которые с особенным ударением подчеркивались самим "рассказчиком"; при чтении они кажутся бесцветными, пропадают мало замеченными.

Текст рассказов и сцен Горбунова бессилен воссоздать те пластические образы, с которыми имели дело слушатели талантливого рассказчика.

Именно на внешнюю пластику Горбунов расходовал, главным образом, свои творческие способности. Он, прежде всего, старался, чтобы с внешней стороны созданный им образ был безукоризнен, чтобы изображаемый им тип был наделен внешними признаками, характеризующими его, он мало заботился о глубине психологического анализа, он обращал исключительное внимание на внешние проявления душевной жизни; он старался, главным образом, чтобы жесты, телодвижения, мимика, манера говорить, интонации голоса, особенности языка выводимых им на сцену лиц говорили о